

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.010

Культурные коды в русских и белорусских фразеологизмах со стержневыми компонентами-трофонимами

Бурукина Ольга Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская пл., 6;
аспирант

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
117218, Российская Федерация, Москва, Большая Черемушкинская ул., 34;
e-mail: obur@mail.ru

Лещинская Ольга Алексеевна

Доктор филологических наук, профессор,
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
246003, Республика Беларусь, Гомель, ул. Советская, 102;
e-mail: zshvedova@mail.ru

Аннотация

О значимости фразеологизмов как носителей культурно обусловленных специфических для конкретных народов знаний писали многие маститые исследователи (В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасик и др.). Особое внимание уделялось и тропонимам как стержневым компонентам фразеоединств (ФЕ), надёжно сохранившим особенности национальных обычаев, традиций, а также авто- и гетеростереотипы, раскрывающие особенности восприятия мира, мышления и поведения этносов (Ф.Х. Тарасова, Е.М. Кирсанова, М.В. Ундрицова и др.).

Тем не менее, на основе сопоставительного анализа фразеологизмов и паремий авторам удалось выявить целый ряд культурных кодов и коннотаций, как общих для белорусского и русского народов, объединённых родственными языками, близкими (и отчасти общими) культурой и менталитетом и в значительной степени общим историческим прошлым, так и различающимися по значимости, придаваемой конкретным тропонимам и связанным с ними обычаям.

Авторы предлагают результаты исследования, позволившего выявить значимые различия в национальных картинах мира в целом и в отдельных чертах и значимости конкретных аспектов национальных картин мира в частности, а также приоткрыть завесу над коннотативно обусловленными особенностями белорусского и русского менталитетов в их исторической ретроспективе.

Для цитирования в научных исследованиях

Бурукина О.А., Лещинская О.А. Культурные коды в русских и белорусских фразеологизмах со стержневыми компонентами-тропонимами // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 6А. С. 85-97. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.010

Ключевые слова

Мировидение, фразеологизм, тропоним, стереотип, обычай, культурный код, коннотация, менталитет, национальная культура.

Введение

Выявление и рассмотрение соотношений и связей языка и духовной культуры, языка и национального менталитета является одним из ключевых направлений исследования в современной лингвистике. Особое значение в свете протекающей в настоящее время лингвокультурной глобализации приобретает понимание и выявление национально-культурной специфики картин мира конкретных народов, отражающих национально-культурные особенности их мировоззрения и системы ценностей.

Что касается изучения и интерпретации фразеологизмов, считающихся самыми «культуроносными» единицами каждого языка (наличие фразеологизмов во всех языках является лингвистической универсалией), в этом процессе на первое место выступает задача по установлению смыслов культуры по культурным кодам. Под культурными кодами понимают вторичные знаковые системы, «в которых используются разные материальные и формальные средства для обозначения культурных смыслов» [Ковшова 2013: 70]. В современном научном дискурсе культурный код также зачастую определяется как система значений и символов, значимых для представителей определенной культуры (или субкультуры) и презюмируется, что культурные коды могут быть использованы для облегчения общения «внутри группы», а также для сокрытия значений и смыслов от «внешних групп» [Battiste 2004]. При этом переход от одного культурного кода к другому постулируется как универсальная человеческая способность [там же].

В данной статье под культурным кодом мы понимаем совокупность компонентов культуры и менталитета (архетипов, стереотипов и автостереотипов, концептов, социальных представлений и установок, образцов поведения, ментальных репрезентаций культуры, элементов коллективной памяти и национальной идентичности и др.), значимых для конкретного этноса, нации или субкультурной группы [Бурукина 2019а].

Среди выявленных исследователями многочисленных кодов культуры гастрономический код включен в число базовых, чему способствует роль и назначение еды в жизни человека, сохранение на всем протяжении истории народа национальных продуктов питания, традиционных блюд, их названий и рецептуры. Не удивительно, что внимание лингвистов неоднократно привлекали вопросы, связанные с изучением тропонимов – наименований продуктов питания, блюд, гастрономических привычек разных народов как стержневых компонентов фразеологизмов в разных языках (Багаутдинова 2007, Костяев 2007, Веденина 2009, Глазунова 2009, Василенко, 2011, Ляшчынская 2011, Ковшова 2013, Ляшчынская 2013, Мед 2014, Бурукина 2019б и др.).

Цель настоящей статьи – выявление сходства и различий в гастрономическом коде культуры двух близких народов – русского и белорусского, – установление признаков и свойств актуальных продуктов питания и национальных блюд, закрепившихся во фразеологии белорусского и русского языков, и способов их осмысления в национальной культуре и фразеологии каждого языка.

При сравнительном анализе ФЕ со стержневыми компонентами-тропонимами,

репрезентирующими гастрономические коды близких национальных культур, нами учитывались лексический и структурно-синтаксический состав единиц, коннотативная основа анализируемых единиц и их семантика. При этом мы руководствовались установленным разделением фразеологизмов двух языков на тождественные, сходные и различные (А.Д. Райхштейн), что позволяет выявлять национально-специфические особенности, дополнять отсутствующие фрагменты в картинах мира каждого народа, более полно представлять и понимать мировоззрение белорусов и русских как носителей соответствующих языков.

Источниками фразеологизмов каждого языка, отобранных методом сплошной выборки, послужили примерно близкие по объему и временной периодизации двухтомные словари фразеологизмов русского [Фёдоров 1995] и белорусского [Лепешаў 2008] литературных языков, а также современные Интернет-словари и словники на обоих языках, в т. ч. Викисловарь, отражающий более современные языковые реалии.

Фразеологизмы как хранители особенностей культуры и менталитета нации

Гипотеза лингвистической относительности, или гипотеза Сепира–Уорфа, позволяет предположить, что структура языка влияет на когнитивные процессы его носителей и, следовательно, на их мировосприятие и мировоззрения. Согласно «жесткому» варианту этой гипотезы, язык обуславливает мышление индивидов, а в соответствии с «мягким», языковые категории влияют на когнитивное поведение говорящего. Как в жестком, так и в мягком варианте утверждается, что на то, как именно думают носители языка, влияет их язык [Perlovsky 2009].

Э. Сепир (1929) обобщил основные идеи своей теории следующим образом: «Люди не живут в одиночестве ни в объективном мире, ни в мире социальной активности, как его обычно понимают, но во многом зависят от конкретного языка, ставшего для их общества средством выражения» [Sapir 1929: 207]. Таким образом, Э. Сепир утверждает, что язык имеет большой контроль над обществом и людьми внутри него. Эта точка зрения также означает, что язык является инструментом привлечения внимания говорящих к конкретным атрибутам реального мира – в большей степени, чем к остальным.

Гипотеза лингвистической относительности позволяет выявлять не только универсальные концепции, аналогичные для всех или большинства культур, но и межкультурные различия и исследовать причины их формирования. Несмотря на критику, обрушившуюся на авторов этой концепции Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа в 1950–60-е гг., новые исследования доказывают, что язык и познание взаимосвязаны [Perlovsky 2009].

Хотя существует много почти универсальных значений, выраженных в разных языках, способы выражения этих значений весьма разнообразны, поскольку одно и то же значение может быть передано множеством разных способов на разных языках. Это ключевой момент в отношениях между языковыми универсалиями и фразеологизмами. Сравнивая различия и сходства в образных выражениях, можно получить много информации о сходствах и различиях культур, выраженных посредством языка. Когда общая идея выражается по-разному на разных языках, это вполне логично объясняется особенностями культуры и менталитета конкретного народа.

Фразеологизмы особенно показательны в этом отношении: они со свойственной им точностью фиксируют не только наиболее значимые особенности национальной культуры и менталитета, но и «более тонкие» различия в мировидении и мировоззрении разных народов,

закрепляющиеся в коллективном сознании нации. Именно поэтому фразеологизмы можно назвать «хранителями культурно обусловленных коннотаций» [Бурукина 2019a].

Роль тропонимов в национальной культуре

Среди множества тем и аспектов человеческой жизни, закрепленных во фразеологизмах (человек, семья, страны и национальности, государство, цвета, одежда, природа, времена года, числа и многое другое), которые не теряют своей исследовательской привлекательности, мы остановили свой выбор на тропонимах как стержневых компонентах ФЕ, поскольку пища (и ее гипонимы) зачастую лежит в основе **этнокультурных стереотипов**, сформировавшихся под действием механизмов идентификации и самоидентификации (*Разбираться как свинья в апельсинах / Знацца як свіння на салатзінах (на перцы); Хлеб да каша – пища наша / Хлеб, соль і вада – першая яда, Каша – пацеха наша; Не смейся, горох, не лучше бобов / Не смейся, квас, не лепшы за нас*), **отражения человеческого опыта** (*Несолоно хлебавши / Шылам патакі ханіўшы, Шылам гарачай кашы ўханіўшы, Круп шылам наеўся*); **стереотипов поведения** (*Назвался груздем – полезай в кузов / Калі з роду баравік, то лезь, браце, у кошык, Калі падмеўся грыбам, то лезь у кошык, Абазваўся грыбам – лезь у гаршчок; На чужой каравай рот не разевай / Не будзь ласы на чужыя каўбасы, Не руш чужых груш*); **стереотипов восприятия и оценки** (*Надоестъ хуже горькой редьки / Апрыкраць як горкая цыбуліна (як горкі яблык), Абрыднуць як рыба гнілая, За горкую ягаду ўпекціся, Стаць горкім як чэмер; Ни рыба ни мясо / Ні лой ні масла, Ні лой ні мяса, горай дурня Апанаса, Ні з мяса ні з пер'я*); **стереотипов реагирования** (*Позднему гостю – кости / Хто позна прыязджае, той косці агрызае, Спазніўся пан да абеда, а вячэра не зараз; Проголодаеўся – хлеб достать догадаеўся / Дасць Бог бяду, і грошы знайду, Грошы не неба – дастанеш, як трэба*) и **стереотипов общения** (*Ржаная каша хвалилась, что с маслом родилась / Хвалілася рэдзька, што з мёдам смачная, Ганарылася свіння, што аб панскі плот пачухалася*).

Проведенный нами сопоставительный контент-анализ показал, что белорусские фразеологизмы в большей степени, чем русские закрепили славянские обычаи и особенности быта белорусского народа. Так, в Российской империи была распространена традиция добавлять муку в корм лошадей (а именно в солому), о чем свидетельствуют, например, Труды Императорского вольного экономического общества: «При наступлении же осени, когда трава на пастбищах подсохнет, тогда необходимо кормить их по утрам на дворах мѣскою изъ ячменной соломы, посыпаемой частою ячною мукою; а на день спускать на луга...» [Труды Ивэо 1844].

Аналогичное описание, но не с ячною, а с овсяною мукою находим в «Записках для хозяев: приложение к литературной газетѣ. на 1844 год» под ред. А.И. Иванова: «Возовымъ лошадямъ давалось рѣзки только по 15 ф. въ день, но съ привосокупленіемъ 4 ½ ф. овсяной муки. – Передъ задачею, рѣзку эту смачивали въ ясляхъ, или въ мѣшкѣ, привязанномъ къ головѣ лошади, и, посыпавъ мукою, перемѣшивали. – Верховой лошади давалось только 15 ф. сѣчки, а овсяной муки не шло вовсе» [Иванов 1844].

Однако русская фразеология не закрепила эту традицию (об отношении к лошади и ее кормлении нам удалось выявить только одно ФЕ: **Не гони кнутом, а гони овсом**), в отличие от белорусского языка, в котором мы находим на эту тему два ФЕ, причем один из них закрепил обычай добавлять муку в резаную солому: *Кармі мукою, дык пойдзе рукою; Каб конь добра вѣз – давай яму авѣс*.

Интересным представляется также белорусская традиция (по сути, рецепт) приготовления кваса, закреплённая в ФЕ: *Мінуўся той час, што з мёдам (з салам) варыў квас*. Обычай варения кваса с мёдом, а тем более с салом раскрывает интересные страницы белорусской культуры. Белорусский язык также сохранил во фразеологических единствах некоторые особенности быта белорусов, например, употребление в пищу в голодные годы дятлов и лебеды: *Каб на дзятла не стралец, быў бы дзяцел маладзец; З гора, з бяды пад'еў лебяды*.

Заметим, что и на Руси в неурожайные годы ели лебеду (равно как и в XIX в. во многих губерниях России, и даже в XX в. в деревнях во время Великой Отечественной войны) – практика, закрепившаяся в поговорке *Не то беда, что во ржи лебеда, а то беда, когда ни ржи, ни лебеды* [Люстрова и др. 1987].

Как указывает В.В. Похлебкин, до XIX в. лебеду культивировали, засевая ею большие участки земли наряду со злаками, о чем свидетельствует русская народная песня «Посею лебеду на берегу». Добавление лебеды в ржаную муку повышало питательные свойства хлеба и увеличивало срок его хранения. Кашу из лебеды («лебеда»») ели с молоком и яйцом [Похлебкин 1988].

Примечательным в этом отношении также является закрепление в белорусских фразеологизмах традиции выращивания *конопли* и *тыквы*. Как указывает В.А. Серков и др., коноплю на Руси выращивали с VII века. Из конопли получали и прочное волокно – знаменитую пеньку, пользовавшуюся законной славой в Европе, а также веревки, парусину, рыбацкие сети, морские канаты, шпагат, паклю и даже полотно для одежды и постельного белья, а из семян – масло, которым заправляли пищу, и жмых, который шел на корм животным¹ [Серков и др. 2018, с. 133]. Однако нам не удалось найти русских ФЕ, отражающих обычай выращивать коноплю. В то же время в белорусском языке такой фразеологизм есть: *Хоць у каноплі стаўляй (Пугало гороховое)*.

Аналогичную ситуацию мы обнаружили с обычаем выращивания тыквы. По мнению И. Сокольского, в России тыква появилась в XVI в. и была завезена либо персидскими купцами, приехавшими в Астрахань, либо московскими купцами, широко торговавшими со странами Западной Европы, где тыква к XVI в. уже завоевала популярность [Сокольский 2019]. Однако в русской фразеологии не закрепилась почти повсеместная любовь к тыкве. В то же время значимость этого овоща отразилась в белорусском языке, бережно закрепившем название овоща *тыква / гарбуз* сразу в двух фразеологизмах: *Я яму пра абразы, а ён мне пра гарбузы, Сваякі гарбузовыя, жывуць цераз дарогу наўпрысядкі*.

Сопоставительный контент-анализ русский и белорусских фразеологизмов

На основе двух совокупностей фразеологизмов, отобранных методом сплошной выборки, было выявлено, что в качестве стержневых компонентов **белорусских** ФЕ использованы наименования следующих продуктов питания (нами выявлены **81** наименования, *но этот список не исчерпывающий* – Прим. О.Б.): *абаранак, авёс, алей, баланда, баравік, батон, блін, блінец, блинчик, боршч, брусніца, бульба, віңо, вярышкі, галубы, галушка, гарох, гарэлка, груша, грыб, дулі, імберац, каліва, каравай, каўбаса, капуста, каша, квас, кісель, клёцка, кныш, крупа /*

¹ В XIX в. доходы от экспорта конопляной пеньки занимали второе место в казне Российской Империи. Россия производила до 60% конопляного волокна от мирового объема. Подробнее на «БИЗНЕС Online»: <https://www.business-gazeta.ru/article/98542>.

крупка, курапатка, курыца, лапша, лой, ляпешка, мак, малако, манна, масло, маслёнка, мёд (мядовіч), мігдал, мука, мяса, патака, патрава, перапёлачка, перапечка, перац, пернік, песцярняк, піво, пірог, плод, поліўка, праснак, просо, прыправа, пятрушка, рак, рыба, рэдзька, сала, селядзец, сліва, смятана / смятанка, соль, сухар, сыр, сыроватка, хлеб, хмель, цукар, цукерка, цыбулька / цыбуліна, чэмер, шчупак, яблык / яблычак, ягадка, яешня, яйцо (яечка).

В русских ФЕ нами были выявлены следующие трофонимы (97, но список не исчерпывающий – Прим. О.Б.): апельсин, бекас, блин, блин овсяный, бобы, бублик, булка, вино, виноград, водка, говядина, горох / горошек, горчица, гречневая каша, грибы, груздь, груша, дрожжи, жир, закваска, изюм, калач, капуста, каравай, карась, картошка, каша, каша ржаная, квашня, квас, кисель, клюква, коврижка, колбаса, конфета, котлета, кофе (кофейная гуца), крендель, крупа, кулебяка, курица, лапша, лепешка, лимон, ломоть, лук, макароны, манна, масло (сливочное), мёд, мак, макароны, молоко, морковь, мясо, овёс, огурец / огурчик, оладьи, орех / орехи, отбивная, пенки, перец, петух (жареный), пиво, пирог / пироги, пирожок, плод, постное масло, похлебка, простокваша, пряник, пишено, пышка, рак, редька, репа, рыба, сало, сахар, селёдка, сливки, сметана, соль, солянка, суп, сухарь, сыр, тесто, уха, хлеб, хлебец ржаной, хрен, чай, щи, яблоко, ягода, яичница, яйцо, – с различным набором компонентов по частотности использования во фразеологизмах двух языков.

Особое и наиболее значимое место в культурах и менталитетах обоих народов, несомненно, занимает **хлеб** и мучные изделия. Значимость хлеба в обеих культурах закрепили многочисленные ФЕ, в том числе: **Хлеб – всему голова**; *Хлеб над панамі пан*; *Хлеб над усім пануе*; *Хлеб будзе, дык і ўсё будзе*; **Хлеб да вода – молодецкая еда**; *Хлеб, соль і вада – першая яда*; *Абы хлеб ды вада, то няма галада*; *Без хлеба и мёдом сыт не будешь*, *Без хлеба и с мёду тошнит*.

В белорусских фразеологизмах находим следующие хлебобулочные и мучные изделия (18 трофонимов): абаранак, батон, блін, бліны-ляпешкі, блінец, галушка, каравай, клёцкі, кныші (кныши – сладкая булка), ляпешка, лапша, мука, перапечка, пернік, пірог / пірагі, праснак, сухар, хлеб. В русском их ассортимент несколько шире: блин, блин овсяный, бублик, булка, калач, каравай, квашня, коврижка, крендель, кулебяка, лапша, лепешка, ломоть, макароны, оладьи, пирог / пироги, пирожок, пряник, пышка, сухарь, тесто, хлеб, хлебец ржаной (23 трофонима). Из них 11 трофонимов совпадают полностью или частично: блин / блін, бублик / абаранак, булка / кныши, каравай, лепешка / ляпешка, лапша, пирог, пряник / пернік, сухарь / сухар, хлеб, хлебец / перапечка, что составляет 61% от совокупности белорусских ФЕ и ок. 49% от совокупности русских ФЕ. На этом основании можно сделать вывод о значительном совпадении культурных кодов и коннотаций, зафиксированных в «хлебных» фразеологизмах на обоих языках, в обеих культурах и менталитетах.

Проведенный анализ показал, что белорусская фразеология в принципе отличается от русской вариативностью и разнообразием сравнений, выражающих одну и ту же мысль: *(Сравнил божий дар с яичницей) Прыраўняў свінню к каню*; *Прыраўняў казулю да зязюлі*; *Прыраўнавалі Бога да лапця*; *(Надулся как индюк) Надзьмуўся як сыч (як сава, як цецярук, як сурмач)*; *Нахохліўся (надзьмуўся) як індык*, *Натапырыўся як возжык (як верабей)*; *Надзьмуўся як жаба на карчы (на купіне)*; *(С жиру беситься) Лой скуру пад'ядае*, *Наеўся пуп круп, дык жарствы захацеў*; *Быта бакі рве*, *Быта бакамі прэ*; *Ад сыці (з раскошы) шалець*; *(С личка – яичко, а внутри болтун) Прыгожы і грэх, а дурны на смех*; *Зверху шоўкавыя хусткі, а ў галаве пусткі*; *Зверху тлуста, а ў сярэдзіне пуста*; *Глянеш – хоць пацалуй, а прыступішся – плюнеш*; *(Яблоко от яблони недалеко падает) Якое дрэва (які цяляш, дуб, явар), такі клін, які бацька*,

такі сын; Які млын, такі і ставок, які бацька, такі і сынок; Якая хатка, такі і тын, які бацька, такі і сын; (**Не все коту масленица**) Минуўся той час, што з мёдам (з салам) варыў квас; Минуліся тыя рокі, калі пань браліся ў бокі; (**Расшибиться в лепешку**) На блін (на блінец) распляскацца, Распляскацца як праснак, На нітку выцягнуцца; (**Кровь с молоком**) Сыр ды малако; Як перапечка; Румяны як пернік; (**Как сыр в масле кататься**) Як сыр у смятане (як клёцкі ў масле) плаваць (жыць); Як **галушка** на масле плаваць.

Также стоит отметить, что в белорусских оценочных стереотипах тропонимы встречаются реже: (**Не фунт изюму**) Не проста з моста; Не мех шиць; Не пальцам пераківаць; Не люльку выкурыць; Не лапаць сплесці; Не лапці вязаць; Не абы-што; (**Несолоно хлебавиш**) Шылам патакі ханіўшы; Шылам гарчай кашы ўханіўшы; Круп шылам наеўся; Торбу жаб прынёс (прывёз); Быўшы, быўшы ды і ідзі завыўшы; Прыйшоў, таўкача аблізаў ды і пайшоў; Сліну каўтнуўшы; (**Как об стенку горох**) Як пугаю (што кіем) на вадзе; Як з вадой біцца; Як да сцяны гаварыць; Як з кабылаю пацеры мовіць; (**Назвался груздем – полезай в кузов**) Калі з роду баравік, то лезь, браце, у кошык; Калі падмеўся грыбам, то лезь у кошык; Абазваўся грыбам – лезь у гаршчок; (**Перебиваться с хлеба на квас**) Тыдзень з алеем, тыдзень галеем; Дзень з алеем, а тры дні галеем; Часам з квасам, а парою з вадой.

Еще одной отличительной чертой белорусских фразеологизмов являются повторы и перифразы, отражающие, с одной стороны, изобретательность белорусского народа, а с другой – характеризующиеся большей экспрессивностью и убедительностью: Кеп, дурань, блазен – тры штуки разам; Вады не засіліш не наварушыўшыся, рыбы не зловіш не памачыўшыся; Свой час ягадзе, свой час баравіку; Якое дрэва (які цяляш, дуб, явар), такі клін, які бацька, такі сын; Які млын, такі і ставок, які бацька, такі і сынок; Якая хатка, такі і тын, які бацька, такі і сын; Не ўздыхай глыбока, не аддамо далёка – хоць за курапатку, ды ў сваю хатку.

Удивляет разнообразие сравнений в белорусских фразеологизмах, описывающих **горечь** (горкая цыбуліна, горкі яблык, рыба гнілая, горкая ягада, чэмер): (**Надоесть хуже горькой редьки**) Апрыкраць як горкая цыбуліна (як горкі яблык); Абряднуць як рыба гнілая; За горкую ягаду ўпекіся; Стаць горкім як чэмер; І адно не мёд (не цукерка), і другое не рэдзька; Галодны прысмакаў не пытае; Шылам патакі ханіўшы; і **сладость** (мёд, цукерка, патака, прысмакі): і **сладость** (мёд, цукерка, патака, прысмакі): Галодны прысмакаў не пытае; Шылам патакі ханіўшы; Чужая жонка мёдам мазана, а свая смалою; Минуўся той час, што з мёдам (з салам) варыў квас; І адно не мёд (не цукерка), і другое не рэдзька.

Значительный интерес представляет культурно обусловленный выбор напитков: так, если в русской фразеологии зафиксированы **водка** и **вино** (**Чай не водка – много не выпьешь, Кто вино любит, тот сам себя губит**), в белорусских фразеологизмах встречаются два вида напитка – **гарэлка** и **пиво**: при этом количество белорусских фразеологизмов превалирует: Гарэлка да добрага не давядзе, Хто на гарэлку часта ходзіць, той сам сабе шкодзіць, Вада жывіць, а гарэлка губіць, Ад гарэлки розум мелкі, Гарэлкай розуму не прамыеш; Адным возам на піва едуць; Не частуй (мяне) ні піўцом, ні вінцом, а прывітай шчыранькім слаўцом. Кроме того, в белорусской культуре, в отличие от русской, особое внимание уделено хмелю: Хмель не вада – чалавеку бяда, Галодны – пра хлеб, п'яны – пра хмель, Каб на хмель не мароз, ён бы тын перарос.

В белорусском языке тропонимы реже употребляются в переносном смысле на основе сугубо пейоративной коннотации: ср. например, (**Дать березовой каше (сильно избить)**) и Лазы даць; Кія ўсытаць; Дубца даць (ўліць); Пугі ўліць; Кулакамі пачаставаць; а также ср. (**Десятая (седьмая) вода на киселе**) и На адным сонцы анучы сушылі; Пень гарэў, а чорт ногі

пагрэў, іскра пала, і радня стала; Адзін пень гарэў, а другі спіну грэў. Исключение в данной парадигме составляет лишь ФЕ *Сваякі гарбузовыя, жывуць цераз дарогу наўпрысядкі.*

Проведенный нами анализ позволил выявить большую значимость *жсира* в быту белорусского народа, закрепившуюся в белорусском языке и культуре посредством фразеологических единств. Так, если в русской фразеологии мы имеем буквально 3 фразеологизма (*С жиру бесится; Лопатся от жиру; Жиром глаза заплыли, Не до жиру, быть бы живу*) и 3 номинации (*жиртрест, жиробас, жирные волосы*), причем все эти устойчивые русские сочетания со словом «жир» имеют исключительно пейоративную коннотацию за исключением ФЕ *Не до жиру, быть бы живу*, имеющего двоякую коннотацию, тогда как в белорусском языке мы находим и более широкое закрепление слова «лой» / *жир* во фразеологизмах, и их не столь однозначную коннотацию: (*С жиру беситься*) *Лою за скуру залиць; Лой скуру пад'ядае; (Как с козла молока) Ні лою ні ўдою; (Ни рыба ни мясо) Ні лой ні масла; Ні лой ні мяса, горай дурня Апанаса; (Хорош кус, да не для наших уст) Бачыць котка лой, ды не ёй.*

Интересно, что белорусские фразеологизмы, в отличие от русских, закрепили гораздо более значительное количество приправ, начиная с гиперонима «приправы» – *Патравы любяць прыправы.* Перечень включает в себя не только *перец* и *соль*, как в русской фразеологии: *Задать перцу / Перцу ўсыпаць*, но и *имбирь, петрушку* и *пастернак*: *Даць перцу з імберцам, Танцавала рыба з ракам, а пятрушка з пецярнякам.*

В плане сравнений поражает изобретательность белорусского народа. Так, полное благосостояние и изобилие, с одной стороны, описываются и в русских, и в белорусских ФЕ одинаково: *Птичьего молока только нет / Одно птушынага малака нестae*, но с другой – белорусская фразеология предлагает совершенно неожиданное сравнение – «жареный лёд»: *Толькі (адно) смажанага лёду нестae.*

Отметим также, что и в русских, и в белорусских фразеологизмах закрепились «иноземные» трофонимы, *мігдалы* и *дулі* (*Не ўсё ж мігдаламі карміць; Дзе плот ды дзядуля, там смачныя дулі*) в белорусском языке, *апельсины* и *изюм / виноград* (*Понимать как свинья в апельсинах; Не фунт изюма; Незрэльь виноградъ не вкусенъ, младъ челоуькъ не искусенъ; а молоденькій умокъ, что весенній ледокъ*) в русском. Интересно было бы исследовать пути проникновения этих экзотических до XX в. фруктов в русский и белорусский языки соответственно. Но уже сейчас можно предположить, что в белорусском языке *мігдалы / миндаль* и *фиги / дулі* появились скорее под влиянием польского, а не русского или украинского языков.

Заклучение

Таким образом, на основе проведенного анализа и полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Русская фразеология и паремиология зафиксировали меньшее количество фразеологизмов и паремий, выражающих одну и ту же мысль, то есть синонимичных. Белорусский язык предлагает большее синонимическое разнообразие фразеологизмов со стержневыми компонентами-трофонимами и без них.

2. Нередко белорусские эквиваленты русских фразеологизмов не включают в себя трофонимы, что, вероятнее всего, отражает когнитивные и культурные различия в мировосприятии и мировоззрении двух близких (географически, исторически и ментально) народов. В частности, в белорусском языке трофонимы реже выполняют функцию стержневых

компонентов в ФЕ, выражающих сугубо негативную коннотацию разочарования, презрения или жестокости (ср. *Вернуться несолоно хлебавши* / Торбу жаб прынёс (прывёз); Быўшы, быўшы дый ідзі завыўшы; Прыйшоў, таўкача аблізаў дый пайшоў; Сліну каўтнуўшы; *Надулся как мышь на крупу* / Скрывіўся як серада на пятніцу; Надзьмуўся як вош на мароз; Надзьмуўся як кавальскі мех; Надзьмуўся як жаба на карчы (на купіне); *Десятая (седьмая) вода на киселе* / *На адным сонцы анучы сушылі; Пень гарэў, а чорт ногі пагрэў, іскра пала, і радня стала; Адзін пень гарэў, а другі спіну грэў; Дать березовой каши* / *Лазы даць; Кія ўсыпаць; Дубца даць (ўліць); Пугі ўліць; Кулакамі пачаставаць.*

3. Белорусские фразеологизмы более точно воспроизводят именно национальные особенности белорусской культуры, о чем свидетельствует отсутствие в белорусских фразеологизмах заимствованных тропонимов, «прижившихся» в русском языке: «апельсин», «виноград», «изюм». Исключение, пожалуй, составляют лишь *дулі / фиги* (инжир), и *мігдалы / миндаль*, (*Дзе плот ды дзядуля, там смачныя дулі; Не ўсё ж мігдаламі карміць*), зафиксированные в белорусских фразеологизмах и выполняющие ту же функцию, что и русские *апельсины* и *изюм*, (*Разбираться как свинья в апельсинах; (Это вам/тебе) не фунт изюма!*) – выражающие нечто труднодоступное, сложное.

4. И русские, и белорусские фразеологизмы содержат множество названий разнообразных мучных изделий и хлебобулочных изделий-гипонимов к слову «хлеб», что свидетельствует о традиционно высокой значимости гиперонима «хлеб» и его гипонимов для обоих народов и их культур.

И, хотя совокупности этих тропонимов в двух языках совпадают лишь на 49–61%, эти совпадения указывают на значительную общность (а в ряде случаев и тождественность) стереотипов восприятия и поведения, а значит значительную общность белорусского и русского менталитетов и культур.

5. Сопоставительный контент-анализ позволил выявить, что в русских фразеологизмах чаще зафиксированы названия продуктов питания, а в белорусских – сравнительно чаще встречаются и названия готовых блюд (ср. рус. *каша, каша ржаная, щи, солянка, блин, блин овсяный, оладьи, пироги, пирожки, лепешки, лапша, макароны*; белорус. *щи, борщ, каша, клецкі, блін, блінец, блінчик, галушка, клёцкі, пірогі, кныші, лапша, поліўка*).

6. В отличие от белорусских, русские фразеологизмы закрепили не только гиперонимы *каша, блин* и *хлеб / хлебец*, но и гипонимы *ржаная (гречневая, ячная) каша* (*Ржаная (гречневая, ячная) каша сама себя хвалит; Ржаная каша хвалилась, что с маслом родилась*), *овсяный блин*, (*Ломаться как овсяный блин*) и *ржаной хлеб / хлебец* (*Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной*), что приоткрывает завесу тайны над бытом русского народа и позволяет узнать больше подробностей, по большей части утраченных ныне: не так часто русские пекут сегодня *овсяные блины* и тем более нечасто варят *ржаную кашу*.

7. Белорусский язык зафиксировал большее внимание к приправам: белорусские фразеологизмы донесли до нас не только *соль / соль* и *перец / перац*, как русские, но и *имбирь / імберац, петрушку / пятрушку* и даже *пастернак / пецярняк*.

8. Белорусские фразеологизмы позволили выявить значимость *тыквы / гарбуза* и *конопли / каноплі* в белорусской культуре, закрепившуюся в белорусском языке, но не нашедшую закрепления в русском, а также *пива / піва*, что свидетельствует об особом отношении к этим тропонимам белорусского народа, сложившимся под влиянием традиций и обычаев на основе положительной коннотации.

9. Интересно также особое отношение в белорусском языке к тропониму *жир / лой*,

имеющему более выраженное, чем в русском языке дивергированное коннотативное поле, сформировавшееся на основе двух противоположных по вектору коннотаций – положительной и отрицательной.

10. Закрепление во фразеологизмах диминутивов, образованных от тропонимов – как русских (*хлебушек, горошек, морковка*), так и белорусских (*піўцо, вінцо, ягадкі, яблычак, смятанка*), раскрывает, с одной стороны, положительную коннотацию данных тропонимов в соответствующем языке и национальной культуре, а с другой – выражает народный юмор и присущую белорусам и русским способность посмеяться над собой, составляющую часть их национальной идентичности.

11. Тропонимы, входящие в ядро национальной культуры и закреплённые в ФЕ, по нашему глубокому убеждению, составляют значимую часть, а некоторые из них и основу языковой картины мира и национальной картины мира в целом. Фразеологизмы с тропонимами в качестве стержневых компонентов сохранили и донесли до наших дней значимые, в том числе забытые сегодня обычаи и традиции, и контент-анализ, в том числе компаративный, позволяет выявить разнообразные аспекты национальных языков, менталитетов и культур, способствуя лучшему познанию самих себя и других – в нашем случае двух неординарных, выдающихся по своим характеристикам и историческим достижениям народов – белорусов и русских.

Библиография

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Элпис, 2008. – 271 с.
2. Алефиренко Н., Золотых Л. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М., 2008.
3. Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии. Дис... д-ра филол. н.: 10.02.01. – Казань, 2007.
4. Бурукина 2019а – Бурукина О.А. Метасоотношения понятий «культурный код» и «коннотация» в «культурном переводе» // *Международный журнал исследований культуры*, 2019. – № 2. – С.16–30.
5. Бурукина 2019б – Бурукина О.А. Фразеологизмы как хранители утраченной коннотации // *Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры. Сборник трудов 4-й Международной научной конференции по когнитивной фразеологии*, 2019. – Белгород: ООО «Эпицентр». – С.398–402.
6. Василенко А.П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков). Дис... д-ра филол. н.: 10.02.01. – Орел, 2011.
7. Веденина Л.Г. Человек и его пища // *Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения. Шестой межвузов. семинар по лингвострановедению: сб. научн. статей. Ч. 2 / под общ.ред. Л. Г. Ведениной. Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 174–240.*
8. Глазунова С.Е. Национальная вьетнамская кухня как отражение культурных и философских традиций // *Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения. Шестой межвузов. семинар по лингвострановедению: сб. научн. статей. Ч. 2 / под общ.ред. Л. Г. Ведениной. Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 15–72.*
9. Записки для хозяев: приложение к литературной газетѣ. на 1844 год. Ред. А.И. Иванов, Издание А.И. Иванова, 1844, 399 с.
10. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // *Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.166–205.*
11. Кирсанова Е.М. Прагматика единиц семантического поля «ПИЩА»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков. Дис... канд. филол. н.: 10.02.20. – М., 2009.
12. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
13. Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1: А-Л. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
14. Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 2: М-Я. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
15. Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я. О культуре русской речи. – М.: Знание, 1987. – С. 36.
16. Ляшчынская В.А. Пра хлеб і да хлеба: Веды і вопыт беларусаў у фразеалагічных адзінках мовы // *Роднае слова*.

- 2011. – № 10. – С.38–42.
17. Ляшчынская В.А. Эталоны і стэрэатыпы ў беларускіх саматычных фразеалагізмах: есці на поўны рот ці на зуб? // Слов'янська писемність у контексті християнської культури: матеріали круглого столу до Дня слов'янської писемності та культури / [за заг. ред. Н. В. Коч]. – Миколаїв: МНУ імені В.О. Сухомлинського, 2013. – С.134–139.
  18. Мед Н.Г. Национально-культурная специфика испанских фразеологизмов с гастрономическим компонентом // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2014. – Вып. 50. – С.216–222.
  19. Мокиенко В.М. Русская фразеология в интернете (культурологические и историко-этимологические комментарии) // Медиалингвистика, 2013. Т. 1. – С. 244–252.
  20. Похлебкин В.В. О кулинарии от А до Я: Словарь-справочник. – Мн.: Польша, 1988. – 288 с.
  21. Серков В.А., Смирнов А.А., Александрова М.Р. История коноплеводства в России // Научно-технический бюллетень Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур. – 2018. – Вып. 3 (175). – С. 132–141.
  22. Сокольский И. Чудо-тыква. Наука и жизнь, №2, февраль 2019. <https://www.nkj.ru/archive/articles/2148/>
  23. Ундріцова М.В. Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты: на материале русского, английского, французского и греческого языков. Дис... канд. филол. н.: 10.02.20. – М., 2015.
  24. Тарасова Ф.Х. Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и татарского языков с компонентами, относящимися к фразеосемантическому полю «Пища». Дис... канд. филол. н.: 10.02.20. – Казань, 1999.
  25. Труды Императорскаго вольнаго экономического общества. СанктПетербургъ, В типографіи Министерства Государственныйъ Имуществовъ, 1844.
  26. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. Т. 1: А-М / Сост. А. И. Фёдоров. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1995. – 391 с.

Cultural codes in Russian and Belarusian phraseological units with core components-troponyms

Ol'ga A. Burukina

PhD in Philology, Associate Professor,
Russian state University for the Humanities,
125993, 6 Miusskaya pl., Moscow, Russian Federation;

PhD student,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: burukina@mail.ru

Ol'ga A. Leshchinskaya

Doctor of Philology, Professor,
Gomel State University named after Francis Skarina,
246003, 102, Sovetskaya st., Gomel, Republic of Belarus;
e-mail: zshvedova@mail.ru

Abstract

The importance of phraseological units as carriers of culturally specific knowledge specific to particular nations was highlighted by many venerable researchers (V.M. Mokienko, N.F. Alefirenko,

V.I. Karasik, etc.). Particular attention was paid to the troponyms as the core components of phraseological units (phraseologisms), which reliably preserved the features of national customs, traditions, as well as autostereotypes and heterostereotypes that reveal characteristics of the world perception, thinking and behaviour of ethnic groups (F.Kh. Tarasova, E.M. Kirsanova, M.V. Undritsova et al.).

Nevertheless, on the basis of a comparative analysis of phraseological units and proverbs, the authors managed to identify a number of cultural codes and connotations, common for the Belarusian and Russian nations united by related languages, close (and partially common) culture and mentality, and to a large extent common historical past, as well as differing in the importance attached to specific troponyms and related customs.

The authors offer the results of their study that made it possible to identify significant differences in the national pictures of the world as a whole and in certain features and the significance of specific aspects of national world pictures in particular, as well as to raise the curtain above the connotatively determined features of the Belarusian and Russian mentalities in their historical retrospective.

For citation

Burukina O.A., Leshchinskaya O.A. (2019) Kul'turnye kody v russkikh i belorusskikh frazeologizmakh so sterzhnevymi komponentami-trofonimami [Cultural codes in Russian and Belarusian phraseological units with core components-troponyms]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (6A), pp. 85-97. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.010

Keywords

Worldview, phraseological unit, troponym, stereotype, custom, cultural code, connotation, mentality, national culture.

References

1. Alefirenko N.F. Phraseology in the light of modern linguistic paradigms: Monograph, Moscow: Elpis, 2008, 271 p.
2. Alefirenko N., Zolotykh L. Phraseological Dictionary: Cultural and cognitive space of Russian idiomatics, Moscow, 2008.
3. Bagautdinova G.A. Man in phraseology. PhD Dissertation in Philology: 02.10.01, Kazan, 2007.
4. Burukina 2019a – Burukina O.A. Meta-relations of the concepts “cultural code” and “connotation” in “cultural translation”. *International Journal of Cultural Studies*, 2019, Issue 2: 16–30.
5. Burukina 2019b – Burukina O.A. Phraseologisms as the guardians of the lost connotation. In: *Phraseology in the linguistic picture of the world: cognitive-pragmatic registers. Proceedings of the 4th International Scientific Conference on Cognitive Phraseology*, 2019, Belgorod: Epicenter LLC: 398–402.
6. Vasilenko A.P. Aspects of the semantics of phraseological units (based on the material of the Russian and French languages). PhD Dissertation in Philology: 02.10.01, Oryol, 2011.
7. Vedenina L.G. Man and his food. In: *Linguistic Regional Studies: Methods of analysis, teaching technology. Sixth interuniversity. Linguistic Studies Seminar: Sat. scientific articles. Part 2*. Ed. by L.G. Vedenina. MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow: MGIMO-University, 2009: 174–240.
8. Glazunova S.E. National Vietnamese cuisine as a reflection of cultural and philosophical traditions. In: *Linguistic Regional Studies: Methods of analysis, teaching technology. Sixth interuniversity. Linguistic Studies Seminar: Research articles. Part 2*. Ed. by L.G. Vedenina. MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow: MGIMO-University, 2009: 15–72.
9. Notes for the hosts: an appendix to literary newspapers. for 1844. Ed. by A.I. Ivanov, Edition A.I. Ivanova, 1844, 399 p.
10. Karasik V.I. Cultural dominants in the language. *Language circle: personality, concepts, discourse*, Volgograd: Change, 2002: 166–205.
11. Kirsanova E.M. Pragmatics of the units of the semantic field “FOOD”: systemic and functional aspects: on the material of Russian and English languages. PhD Dissertation in Philology: 02.10.20, Moscow, 2009.
12. Kovshova M.L. Linguoculturological method in phraseology: cultural codes. Ed. 2nd, Moscow: Book House “LIBROCOM”, 2013, 456 p.

13. Lepeshaĭ I.Ya. Phraseological Dictionary. In 2 Volumes. V. 1: A-L, Minsk: Belarus. Encyclopedia n.a. P. Broŭka, 2008, 672 p.
14. Lepeshaĭ I.Ya. Phraseological Dictionary. In 2 Volumes. V. 2: M-Ya, Minsk: Belarus. Encyclopedia n. a. P. Broŭka, 2008, 704 p.
15. Lyustrova Z.N., Skvortsov L.I., Deryagin V.Ya. About the culture of Russian speech, Moscow: Knowledge, 1987: 36.
16. Lyashchynskaya V.A. Great bread and bread: Knowledge and experience of Belarussians in phraseological units. *Rodnaya slova*, 2011, Issue 10: 38–42.
17. Lyashchynskaya V.A. Standards and steratyp ŷ Belarussian samatychnyh phraseological expressions: are there mouths on tooth? In: *Slavic writing in the context of Christian culture: Proceedings of the round table on the Day of Slavic writing and culture*. Ed. by N.V. Koch]. Mikolaev: MNU n.a. V.O. Sukhomlinsky, 2013: 134–139.
18. Myod N.G. National-cultural specificity of Spanish phraseological units with a gastronomic component. *Language. Consciousness. Communication: Collection of articles / Eds. By V.V. Krasnykh, A.I. Izotov*, Moscow: MAKS Press, 2014, Issue 50: 216–222.
19. Mokienko V.M. Russian phraseology on the Internet (cultural and historical-etymological comments). *Medialinguistics*, 2013. V. 1: 244–252.
20. Pokhlebin V.V. About cooking from A to Z: Dictionary, Minsk: Polymya, 1988, 288 p.
21. Serkov V.A., Smirnov A.A., Alexandrova M.R. History of hemp breeding in Russia. *Scientific and Technical Bulletin of the All-Russian Scientific Research Institute of Oilseeds*, 2018, Issue. 3 (175): 132–141.
22. Sokolsky I. Miracle Pumpkin. *Science and Life*, No. 2, February 2019. <https://www.nkj.ru/archive/articles/2148/>
23. Undritsova M.V. Gluttonic discourse: linguistic and cultural, cognitive-pragmatic and translation aspects: on the material of Russian, English, French and Greek. PhD Dissertation in Philology: 02.10.20, Moscow, 2015.
24. Tarasova F.Kh. Comparative analysis of phraseological units of the English and Tatar languages with components related to the phraseo-semantic field “Food”. PhD Dissertation in Philology: 02.10.20, Kazan, 1999.
25. *Proceedings of the Imperial Free Economic Society*. St. Petersburg, In the Printing House of the Ministry of State Property, 1844.
26. *Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: in 2 volimes*. T. 1: AM / Comp. A.I. Fedorov, Novosibirsk: VO Nauka. Siberian Publishing Firm, 1995, 391 p.